

Михаил Жебрак

МОСКВА

ЗАГАДКИ МУЗЕЕВ

Пешком по городу. Культурный детектив

Пешком по городу. Культурный детектив

Михаил Жебрак

Москва. Загадки музеев

«Издательство АСТ»

2022

УДК 7:069.02(470-25)
ББК 85.101(2-2Москва)

Жебрак М. Ю.

Москва. Загадки музеев / М. Ю. Жебрак — «Издательство АСТ»,
2022 — (Пешком по городу. Культурный детектив)

ISBN 978-5-17-137988-9

Михаил Жебрак — москвич, экскурсовод, автор и ведущий программы «Пешком» на телеканале «Культура». Автор книг о Москве и Подмосковье. Много лет Михаил придумывал игры-детективы в музеях, в которых уликами и подсказками служили статуи и картины: чтобы вычислить преступника, надо было прежде разобраться в произведениях искусства. Детективы делятся на герметичные, политические, полицейские, иронические... Эта книга — самый настоящий детектив, культурологический, с закрученным сюжетом, обаятельным героем и множеством загадок. Герой книги — сыщик-любитель Пётр Дивин — посетит несколько уникальных зданий и объектов. В книге много загадок, связанных с произведениями искусства. Найти ответ помогут герои книги и иллюстрации, подготовленные специально для этого издания Екатериной Мараховской. Открывайте сайты музеев, в конце книги вы найдете qr-коды, они помогут вам в быстром доступе к интернет-страницам. Но лучше отправляйтесь в музей. Подобные вещи надо видеть собственными глазами. После всех сделанных находок, у вас изменится взгляд на живопись и скульптуру. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 7:069.02(470-25)
ББК 85.101(2-2Москва)

ISBN 978-5-17-137988-9

© Жебрак М. Ю., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

К Читателю	7
Свидетель преступления – веревка	9
Старые друзья и их новые машины	14
На казенных чаях	19
Ах, боже мой, он карбонарий	23
Заводская вольница	30
Туфли к фраку	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Михаил Жебрак

Москва. Загадки музеев

* * *

Исключительные права на публикацию книги принадлежат ООО «Издательство АСТ». Любое использование материала данной книги без разрешения правообладателя запрещается.

© ООО «Издательство АСТ», 2022

© Жебрак М. Ю.

К Читателю

*В крылатом легком экипаже,
Читатель, полетим, мой друг!
Ты житель севера, куда же?
На запад, на восток, на юг?*

А. Ф. Вельтман

Детективы делятся на герметичные, политические, полицейские, иронические... Подобными классификациями пользуются, чтобы не определять, увлекательный детектив или нет. Увлекательность книги зависит от вашей вовлеченности. И если автору удастся увлечь закрученным сюжетом, обаянием главного героя, описаниями новых мест, хорошим языком, то жанр уже не важен. Много лет я придумывал игры-детективы в музеях. Уликами и подсказками служили статуи и картины: чтобы вычислить преступника, надо было прежде разобраться в Рубенсе или Эль Греко. Вот и в этой книге много узнаваемых мест, артефактов, музейных уголков. Читатель обрадуется: «Помню, помню этот зал, но неужели за статуей есть проход на второй этаж?»

По моим историям можно гулять. Герои детектива посетят несколько уникальных зданий и объектов – присоединяйтесь! Здесь много загадок, связанных с произведениями искусства. Открывайте сайты музеев, набивайте в поисковике название. Но лучше отправляйтесь в музей. Подобные вещи надо видеть собственными глазами. К ответам вас подведут, но последнее открытие, надеюсь, вам удастся сделать самим. И тут уж, я уверен, после этой находки вы взглянете на живопись и скульптуру совсем другими глазами.

Называть мои истории музейными детективами неправильно – действие развивается не только в музеях. Культурологический – слово корявое и непонятное. Квестом называют сегодня все подряд – любую экскурсию, игру, где есть хоть какое-то задание, уже и совещания районных библиотекарей проходят в форме квеста. Пусть мои истории будут К-детективом: в таком названии есть отсылка и к коллекциям, и к культуре, и к квесту.

Первые подобные истории я придумал лет десять назад. Мне казалось любопытным написать книгу, которая стала бы приключенческим путеводителем по новому городу. Одним нужны исторические описания, другим – ресторанные гиды, а кто-то заинтересуется загадками, с которыми столкнулся русский сыщик в Праге или Венеции. За пару вечеров пролистает турист книгу и съездит в те церкви, где были найдены подсказки, затем пройдет по кладбищу, где герой прятался от преследователей. Даже если нет возможности посетить описанный город. Есть интернет, карты – посещение может быть и виртуальным. Старинный автор Александр Вельтман начинает книгу «Странник» утверждением, что для путешествия нужны не деньги, а голова, воображение и карта. Ну и, естественно, его сочинение.

К-детективы были написаны, и тут начались повальные болезни, страны закрыли границы. Я подумал, что сейчас-то истории и пригодятся – мой сыщик станет проводником в чужие города. Затем случилось еще многое, и наша зависимость от воображения и книги усилилась.

По молодости я не награждал детей после игрового занятия. Считал, что приз не может сравниться с удовольствием от победы, от успешного решения загадки, да еще в компании друзей. Позже, увидев, как мои сыновья с удовольствием получают после честно пробеганных километров на финише от тренера конфету, решил, что награды не уменьшают интеллектуальной радости от отгадывания ребусов.

Теперь мне хочется премировать самых сообразительных читателей. Но за что награждать? Неожиданную деталь на картине Рембрандта должны найти все читатели, дошедшие до определенной части книги. Место, где карбонарий соорудил схрон, интересно угадать самому в Музее. Но здесь детективов-любителей опередят сотни старшеклассников и их родители, с которыми я когда-то разыгрывал эту историю в музейных залах. Да и многие знатоки Музея опознают нужный объект сразу по описанию.

Вопрос должен быть сложным, а ответ известным только автору. Итак, я покупаю ящик шампанского и обязуюсь подарить по бутылке первым двенадцати читателям, угадавшим, почему детектив в моей книге носит фамилию Дивин.

Остается сказать, что все места и шедевры в книге подлинные, а все истории, произошедшие в этих зданиях с этими произведениями, выдуманные. Совпадения героев с реальными людьми может произойти благодаря фантазии читателя, а не по замыслу автора.

Михаил Жебрак

Свидетель преступления – веревка

Дубовые сучья давали сильный ровный жар, и вода вскипела почти мгновенно. Петр подцепил веткой стальную дугу котелка и поставил его на листву рядом с собой. Развязал капроновый мешочек и высыпал горсть чая в бурлящую воду. Из костра вынул горящий сучок без коры и размешал им чай. Бурая жижа зашипела, забурлила, белесый пар смешался с прозрачным дымом. Алюминиевый котелок Петр купил больше двадцати лет назад, влюбившись с первого прикосновения: серебристая кастрюлька практически ничего не весила, удобно ложилась и в руку, и в рюкзак. Тарелка-крышка на удивление до сих пор плотно прилегала к устью котелка, ручка не отваливалась, дно не прогорело. Или ему досталось детище конвенции, и на туристическое изделие пошел космический металл, а гнули его мастера высочайшего профиля, или долголетию способствовала пасторальная жизнь – Петр никогда не чистил котелок от копоти, только протирал изнутри на ручье пучком травы и ополаскивал.

Небольшой индейский костер Петр развел под кустом орешника на краю светлой поляны, с редкими изумрудными островками среди завалов бронзовой листвы. Приготовил чашку, переложил телефон с брезентовой рукавицы на ветки, проверил быстрым касанием, остыла ли дуга, и, поддерживая брезентом доньшко, начал наливать. В это время зазвонил телефон. Петр аккуратно поставил котелок, взял трубку.

- Петр Михайлович, – голос Лени сбивался, – Петр Михайлович, у нас здесь...
- Вы где?
- На пятом КП, на переправе.
- Бегу!

Через поляну, через пестрый подлесок мчался Петр Дивин, руководитель школьного туристического отряда. Телефоны на маршруте были запрещены, чтобы ребята не пользовались навигаторами, не отвлекались, просто, чтобы не выпал, пока по бревну лезешь. Но он всегда разрешал припрятать один аппарат, заряженный и начиненный всеми необходимыми номерами на случай ЧП. И, похоже, оно произошло. Его ребята должны были самостоятельно пройти полосу препятствий, стартовали больше часа назад, и Петр рассчитывал успеть в одиночестве попить чаю, когда его вызвал командир отряда Леня Коршунов. Гадать, что там расшибли – руку, ногу, голову, – было бессмысленно, и Петр на бегу забивал мысли Высоцким: «Ведь это наши горы, они помогут нам, они...»¹

Прислонившись к дереву, взъерошенный и бледный сидел старший «пионер»² Вася Егоров. Петр его сразу узнал по яркой клетчатой сине-красной рубашке. Дивинской рубашке. Плечистому первокурснику она была впору. Школьники толпились вокруг. Рассказывать начали наперебой и настолько невероятное, что Петр, обычно голос на ребят не повышающий, обрывая гвалт, гаркнул и попросил доложить командира. «Прибежали на КП³. Вася висит. Приподняли. Веревку обрезали. Позвонили вам».

Петр осмотрел остатки срезанной с шеи петли и висящий над откосом конец. Пятое КП устроили на берегу оврага. Туристические группы должны были перейти через овраг по туго натянутой веревке, держась руками за свободный конец другой веревки, закрепленной высоко на дереве, нависающем над оврагом. Перешедший на другой берег перекидывал

¹ В. Высоцкий, «Баллада об альпийских стрелках».

² «Пионер» – так в турклубах называют бывших учеников, которые уже подросли, выбыли из команды, но приходят помогать в качестве инструктора.

³ КП – контрольный пункт, в туризме и спортивном ориентировании – место, которое надо найти и выполнить там какое-то задание.

веревку обратно, чтобы ей мог воспользоваться следующий. Вася Егоров был назначен судьей на это препятствие.

По Васиным словам, он стоял у кромки обрыва, когда на его шею накинули петлю и толкнули вниз. Вася схватился за веревку и, подтягиваясь, продержался до прихода следующей группы. «А кусты в овраге замедлили падение, и ему не сломало шею рывком», – подумал Петр. Следы на шее остались, но головой Вася двигал и для повешенного полчаса назад выглядел неплохо.

Петр позвонил руководителю слета и сообщил о происшествии. Затем начал осмотр. Поверить, что жизнерадостный юнец, вчера на глазах Петра с хохотом переносивший через речушку на руках девушек и от рвения все-таки завалившийся в грязь, может на слете в солнечном осеннем лесу повеситься над мелким оврагом между набегами галдящих школьных групп, Петр не мог. Для демонстративного суицида Вася был слишком прост и открыт. Он так вожделенно смотрел на новую рубашку Петра, а, когда вымазал свою, так искренне загрустил, представив, как он будет завтра судить в плохо отстиранной одежде, что Петр отдал ему свою рубашку. Благо запасная одежда у него всегда была.

Значит, на пятом КП был еще кто-то. Этот неизвестный завязал затяжную петлю на конце веревки, свисавшей с дерева. На середине веревки была еще одна петля. Очевидно, прикинув, что веревка длинновата, незнакомец укоротил ее узлом посередине. Затем подошел к беззаботному Васе и накинул аркан... Что делал незнакомец именно на пятом КП? Шел мимо и заметил юношу? И сразу захотел повесить крепкого молодого парня? Не понятно... Петр позвал ребят, выстроил их в цепочку и попросил прочесать лес, обращая внимание на все необычное и подозрительное. Через несколько минут шагах в пятидесяти нашли примятую траву за толстой березой и три одинаковых окурка, вмятых в кору дерева. Петр решил, что это место, где неизвестный выжидал, когда Вася останется один.

– Не верю, что это мог сделать кто-то из наших, – Александр Аронович, организатор слета, собрал руководителей туристических групп на ветхой веранде.

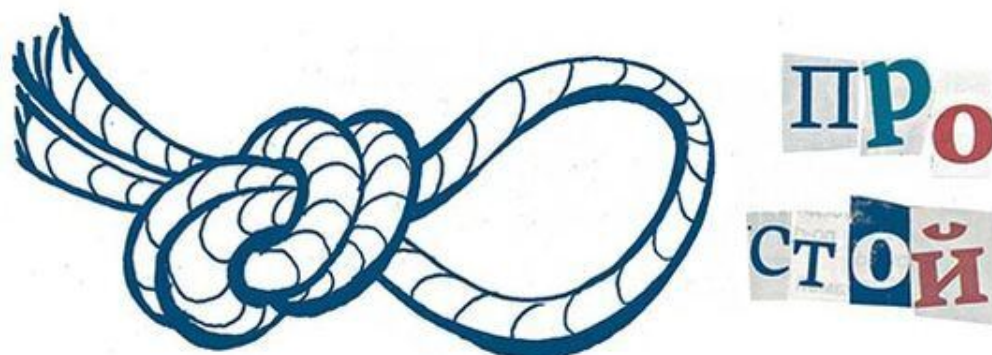
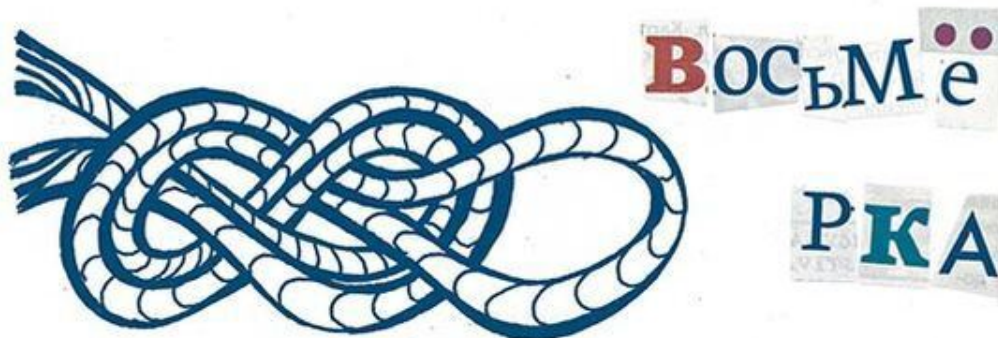
Слет проводили рядом с заброшенным пионерским лагерем. В сложных ситуациях водивший школьные группы еще в советское время Александр Аронович надевал маску невозмутимого официального лица. Действуй строго по инструкции – и избежишь осложнений! Он уже вызвал полицию, скорую помощь, но растерянность была. Ему казалось, что на Васю напал кто-то из участников слета.

– На пятом КП перед группой Петра Михайловича была группа 188-й школы, – Александр Аронович держал рукописный протокол. Из-под щегольского белого сомбреро сочились струйки пота.

– Школьники не станут подвешивать Васю, даже в шутку, – Петр решил не тянуть и сразу рассказать о своем расследовании. – Это и чисто технически невозможно: ребята шумят, их нельзя не заметить. Да и узел, укорачивающий веревку, завязан слишком высоко. Это высота для мужчины или старших «пионеров», наших взрослых помощников. Даже если предположить, что наши выпускники, товарищи Васи, могли напасть на него, стоит посмотреть в протоколы. Все старшие «пионеры» были судьями на КП. И, судя по записям, работали, не отлучались. Получается, надо ответить еще на один вопрос: могли ли это сделать руководители групп?

Александр Аронович возмущенно вскинул брови, но Петр поднял ладонь – я не все сказал.

– Какой узел для карабина вы завяжете посередине веревки? – Петр обратился к коллегам. Взрослые вокруг молчали в недоумении, и он повторил. – Какой узел?

– Двойной проводник восьмеркой, – первым откликнулся физрук как раз 188-й школы. И на него посмотрели насмешливо.

– Бабочку. Бабочку. Бабочку... – загудели туристы с пятидесятилетним стажем.

– Александр Аронович, вы согласны, что турист или альпинист завяжет «бабочку»? А на веревке, на которой подвесили Васю, завязана простая одинарная петля. – Петр показал веревку с пятого КП.

– Какой узел использовали на конце веревки для затяжной петли – понять сложно, мои ребята веревку разрезали и петлю распустили. Но по остаткам похоже, это тоже было что-то примитивное: самая простая петля с прямым узлом и в нее пропущена коренная часть. Уверен, на Васю напал тот, кто «булинь» от «стремени» не отличит.

Петр не стал рассказывать о другой догадке. Стоя у березы, он отчетливо видел сквозь осенний пустой лес полянку у натянутой через овраг веревки. Различал всех находившихся там, особенно если одежда была яркой. Вот за ветками блеснула светлая широкополая шляпа

Александра Ароновича. Крупные фигуры подняли Васю Егорова и повели к лагерю. Между черными стволами мелькала клетчатая сине-красная рубашка. Рубашка Дивина.

В этот момент Петр вспомнил забытый у костра чай. Петр Дивин называл себя «чайным детективом». Он сочинял квесты, попивая при этом чай. И уже давно интересное решение загадки вызывало у него характерный чайный привкус. По небу прокатился терпкий вкус догадки. А ниже он почувствовал страх. Петр понял, что охотились на него.

За лагерем наблюдали, запомнили рубашку, в которой он ходил. Но накануне возможности напасть не представилось, Петр все время был с людьми. А сегодня, когда все разошлись по лесу – одни судить, а другие проходить учебный маршрут, – он уединился для лесной чайной церемонии, и настолько удачно, что преследователь его потерял. Очевидно, преступник отправился на поиски в лес, заметил через просветы в ветвях знакомую рубашку и напал, когда никого не было рядом.

Возможно, преступник считает, что с Дивиным покончено, и, сделав свое дело, удалился. Или наблюдение за лагерем продолжается. В любом случае, на первом месте для Петра была безопасность ребят. Во время второго нападения может пострадать еще кто-то. Ему следует немедленно уходить, причем так, чтобы возможные наблюдатели заметили ретираду⁴. Петр переговорил с товарищем, приехавшим на слет с сыном-школьником, попросил сопровождать его группу. Скоро придут автобусы и под охраной полиции всех ребят увезут в город. Петр походил по лагерю. Затем встал на мостике над речкой. Бывший пионерлагерь сильно зарос, но мостик вел от «линейки» к футбольному полю и, благодаря этим пустым площадкам на берегах, хорошо был виден отовсюду. Постояв на мостике минут десять, Петр двинулся прочь. Он задержался еще на краю проселка, светиться так светиться, и углубился в лес. Через семь километров шоссе, и там его будет ждать друг с машиной.

⁴ Ретирада – отступление (отход войск).

Старые друзья и их новые машины

Петр соскоблил палочкой осиновые листья с подошв и плюхнулся в низкое мягкое кресло. Машина шла быстро, и мощный тридцатилетний мужчина за рулем делал вид, что весь поглощен дорогой, чтобы не спрашивать Петра о случившемся. Когда захочет, сам расскажет. Покидая лагерь и придумывая, как незаметно и безопасно выбраться из леса, Петр с радостным удивлением понял, что вывезти его смогут несколько друзей.

Павел, бывший главный редактор крупнейшей либеральной газеты, приехал бы сразу, ему переодеваться не нужно, он и в редакции появлялся в домашнем растянутом свитере и вельветовых брюках. Но только если бы Петр позвонил с утра. Сейчас Павел не работал, первые сто брал уже в районе двенадцати и за руль потом не садился. Поэтому на месте встречи Петра ждал бы не Павел на немолодом «Опеле» с вечной усмешкой: «Ну, старик, опять влип», а целый десант: адвокат, пара-тройка криминальных репортеров, новостники из дружественных изданий, кто-то из правозащитников. И наверняка сосед по даче, да вот хоть священник Алексей из дома напротив, хорошо знавший Петра: «Съезди, что-то с Дивиным стряслось, я народ собрал, но умный человек всегда кстати». Небольшая пресс-конференция, люди ехали, старались, нельзя же не поговорить, и блестящей кавалькадой – все машины мытые – «ситроенов», «фордов» и «ниссанов» во главе с батюшкиным БМВ въехали бы в Москву.

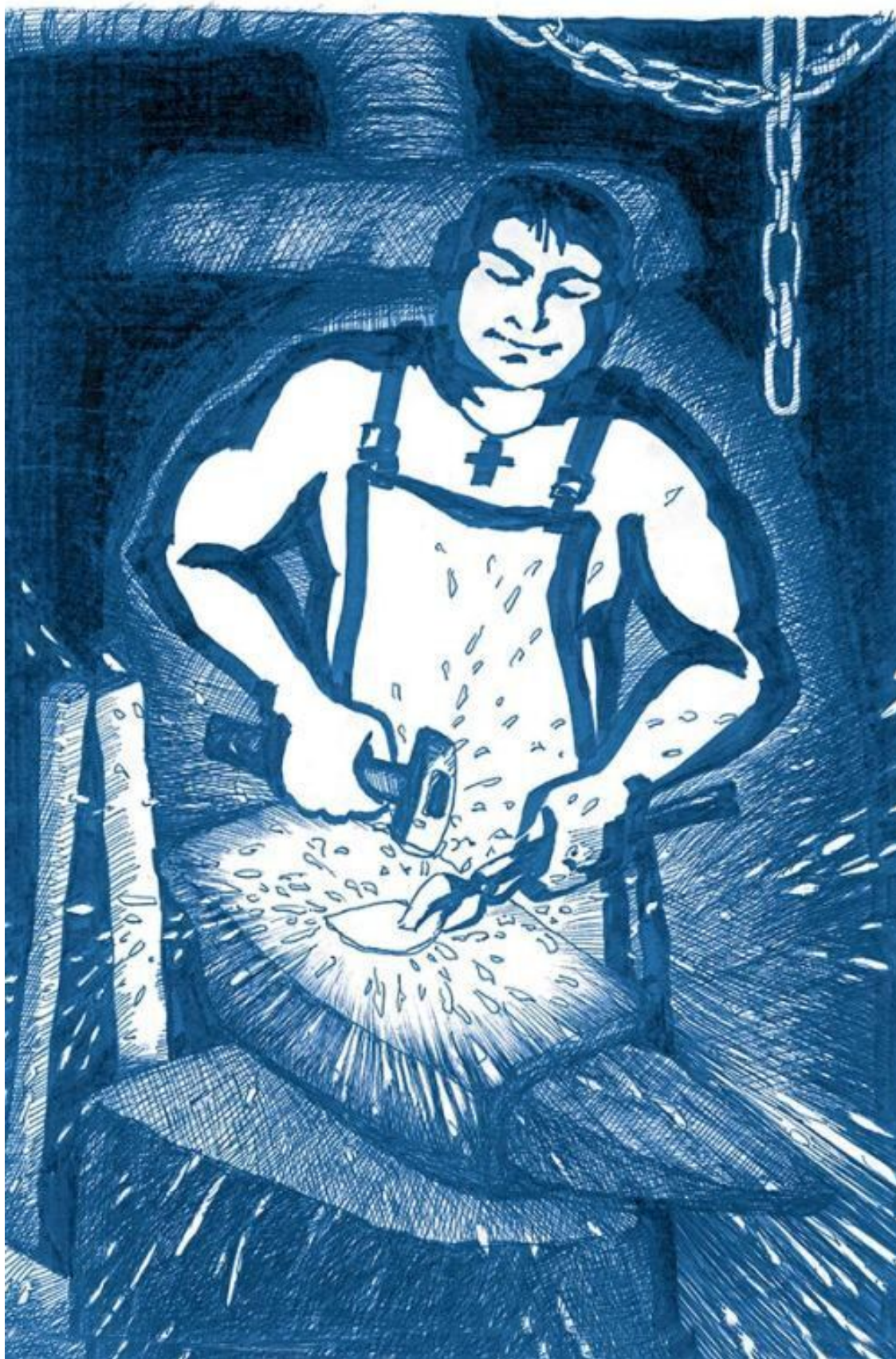
Примчался бы выручать Петра и тезка, старый хиппи Пьер. Выпускника разведучилица с радостью взяли в МГУ и так же легко отчислили за неуспеваемость после третьего семестра. Но из университетской компании он не пропал. Так как один Петр уже был, нового товарища стали называть Пьером. Пьер задержался бы перед выездом на пару минут, шнуруя высокие ботинки и рассовывая по карманам причиндалы для поездки: хитрые заточенные палочки, цепи, кольца-ножи... Драка была стихией Пьера. Петр, как коренной москвич, пешеходный Арбат презирал, а прибывший с Урала Пьер снобизмом не страдал и хипповал именно на

Арбате. Во времена их молодости раскаченные люберы⁵ приезжали в центр погонять пестрых миролюбивых хиппарей. И вот загонит пара бугаев девочку в расшитой цветами рубашке в подъезд и, предвкушая забаву, даже не смотрит на скользнувшего следом Пьера. Желтые волосы до плеч, чистейшие голубые глаза, батик в талию, много они бивали таких... «Они не знали, что товарищ наш – боксер. Они раскрылись, будто трюмы корабля...»⁶ – пел в те же годы бард-весельчак. Раньше натовские берцы Пьера закрывали клеши, сейчас он заправлял в них тактические штаны. С Пьером на стареньких «хондах» прикатили бы Малыш, так обычно называют двухметровых ребят, и Тема-грузовик, здесь кличка дана за силу и напор. Сел бы Петр сзади Пьера, обхватил старую косуху, по щеке стегал бы выбившийся кончик красной арафатки.

Петр позвал своего кума – кузнеца. Причем не просто кузнеца, а потомственного кузнеца, цыгана из Молдавии. Братья остались в Молдавии, а Илья давно работал в Москве. Варганил в разных кузнях решетки на окна, кованые ворота и лестницы на дачи министров и офицеров госбезопасности. Илья металл знал и понимал, сделать мог все, кстати, и кузов своего «мерина» он выправил сам. Цыган не может ездить на плохой лошади. Вот и машина может быть только спортивным «мерседесом». В отличие от заказчиков и посредников Илья работал руками, на круг выходило не много, надо было еще родне в Молдавию посылать. Машины он обычно покупал старые и битые, потом сам доводил их до ума. Мотор гудел ровно, краска от земляков с Южного порта смотрелась лучше первоначальной – темно-синяя с искрой, как ночь конокрада, а салон... Сейчас такие салоны не делают – просторный, с ясными кругами приборной доски, украшен деревом и кожей.

⁵ Люберы – зародившееся в подмосковных Люберцах молодежное движение. Подростки занимались культуризмом в «качалках» (спортивных клубах, созданных своими силами и на свои средства, обычно, в подвалах домов).

⁶ Леонид Сергеев, «Sex-shop».

Последнее время с заказами было плохо, и Илья переехал со съемной квартиры на завод в общежитие.

– Комната свободная есть?

– Есть, – отозвался Илья. – Но наши тебя знают, удивятся, что ты в общаге ночуешь.

Петр пару раз приезжал в кузню с сыном, и крестный ковал с Миреком подковы и подсвечники. Но Петра, понятно, помнили не по этим давнишним появлениям, а по рассказам Ильи – по-простому хвастался дружбой с «умником» за бригадной братчиной. Как Петру было интересно за приготовлением мяса порасспросить о цыганском житье, так и Илья ценил в Петре классического московского интеллигента. А уж в культурах кузнец разбирался: он говорил на пяти языках, поработал на Украине, в Грузии, Румынии, ездил пожить к землякам в Грецию и Италию.

– Скажешь своим, с женой поругался. А я проставлюсь.

Тут Илья возмутился – у него еще с прошлой поездки полтора баллона квинтовского коньяка стоят... Перещеголять южанина в щедрости и гостеприимстве сложно.

Когда Петр десятый раз оглянулся, водитель не выдержал:

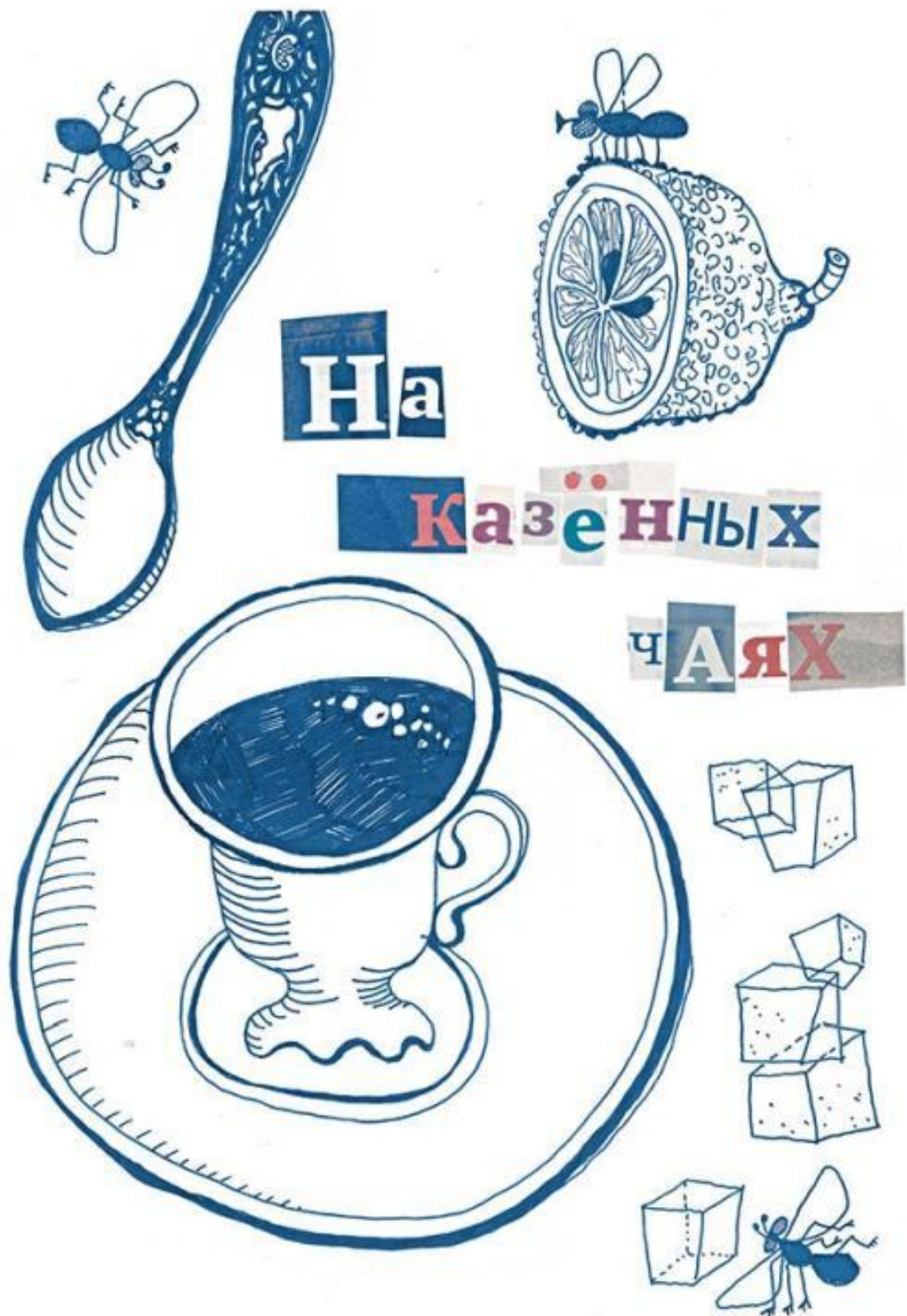
– Дорога пустая, нас никто не пасет и не догоняет. Да, не догонит, даже если захочет, слышишь, как ровненько гудит. Ты сиденье подстрой под себя.

О причине спешной эвакуации Илья так и не спросил – не спеши куманек, еще не раздут огонек. Семь лет назад Петр просил кузнеца стать крестным сына, потому что вокруг будет еще много врачей, юристов, математиков, компьютерщиков, а вот такого надежного рукастого мужика, преданного семье и друзьям, его Мирек может никогда и не встретить. Илья не рефлексировал, а действовал, не раздумывая: платил чиновнику, а как еще гражданство оформлять. Или лупил по ребрам пьяного хулигана. Но помощь прежде Мирека понадобилась самому Петру. Он столкнулся с людьми, с которыми из его друзей, пожалуй, умеет договариваться именно кум. Есть встречи, на которые лучше ходить с кузнецом.

На казенных чаях

В голостенной, крашеной голубой краской комнатенке пахло, как когда-то на гауптвахте – хлоркой, табаком и дешевым варевом. Петра Дивина пару раз назначали в караул на губу. Топчанов в военном пенитенциарном заведении не ставили, предполагалось, что солдат на посту не спит, поэтому отдыхали караульные прямо на свежепомытом полу, подоткнув по бокам шинельку и завернувшись дугой вокруг кирпича с намотанным на него медным проводом, идущим от розетки. Сейчас у Петра была сетчатая кровать со старинным шерстяным одеялом. Кстати, может это, а не едкие ароматы, напомнило армию? Казенный запах успешно перебивал густой чайный дух. Илья, помня о пристрастиях кума, походил по соседям и добыл пачку азербайджанского чая. Петр заварил покрепче и наслаждался новым, дома держал английские и китайские сорта, вкусом. В нем различались: запах сухого горного луга, кислинка поздней алычи, подкопченный вкус овощей и мяса на пепельных углях.

Петр прихлебывал чай и раз за разом перекачивал в мыслях утреннее происшествие. Самый безобидный вариант – на Васю Егорова напал какой-то сумасшедший. Почему бы сумасшедшему не погулять по солнечному осеннему лесу в поисках случайной жертвы? Такое наверняка бывает, от такого не убережешься. Но если нападение спланировано, значит, собирались избавиться от него...

– Это тебя шпильнуть собирались, – без раздумий сказал Илья, когда узнал подробности утреннего происшествия.

Не хотелось Петру рассказывать об ободранной шее подростка, но тут уж или все открывать, или ничего. У кузнеца было особое отношение к детям. Вырос он с пятью сестрами и пятью братьями. Матери не стало, когда младший еще в люльке лежал. В семье привыкли все делать сами, кормить и пеленать умели и мальчишки, хотя сестринских рук хватало. После школы уехал на первые заработки и стал жить с женщиной старше себя. Семья не сложилась, но подруга его родила. Илья теперь часть зарплаты переводил на ребенка и дважды в год ездил на своем «мерине» на юг, положив в багажник сначала набор «Лего», потом скейт, трюковой велосипед, а последний раз загружал игровой компьютер. Наверное, и с его Миреком кум так подолгу возится от того, что недоиграл со своим.

– Думай, Петюша, кому ты дорогу перешел, – кузнец со стуком поставил на стол кружку. – Я с тобой разговаривать с ними поеду.

Вот Петр и вспоминал свои последние дела. Денег он ни у кого не занимал, недвижимость не покупал и не продавал, наследство делить еще не приходилось. В его туристической группе пару раз случались травмы, но резались ребята давно, те раны успешно затянулись, и родители претензий к Петру не имели. Был в их группе лихой парнишка, сейчас ему исполнилось двенадцать. Почти в каждом выходе с ним что-нибудь случалось: попадал обухом по ноге, влезал в осиное гнездо, обваривался. Товарищи прозвали его Камикадзе. Так как на половине групповых фотографий этот неунывающий неудачник заслонял товарищей или оказывался на первом плане спиной к телефону, Петр считал, что все травмы получены для большего внимания. Так когда-то известный психиатр спрашивал у своих плачущих детей: «Ты для чего палец прищемил?» Летом они ходили в большой поход по берегу Оки. В первый же день, когда по пыльному полю подошли к реке, этот ухарь зашел по колено в воду и с гиканьем рыбкой нырнул в мелководье. Тут же встал залитый кровью, как после кавалерийской стычки. Приоткрытые створки раковин жемчужниц исполосовали подбородок, нос и руки. Героя залили зеленкой и обклеили пластырем. На одном плече оказался глубокий порез, отменяющий – не поход – возможность нести рюкзак! Всю неделю порубанный гордо шел, навесив на здоровое плечо отощавший мешок со спальником и волейбольным мячиком. Личные вещи разобрали ребята, а крупы и консервы его дневного дежурства положил себе Петр.

Семья у парня была полная, оба родителя работали в полиции, но вот так парня колбасило раз за разом. Пару недель назад Петр с сыном Миреком и другом, у которого ребенок того же возраста, ездили на выходные на Волгу – походить на весельной лодке. Камикадзе, прознав о походе, попросился, и Петр его взял – в машине как раз было место еще на одного. Мастер травмы в этот раз сумел уцелеть, только один раз посередине реки спросил, можно ли нырнуть с борта. «Прыгай», – спокойно ответил Петр. Все его ученики умели плавать, а что в сентябре вода холодная, наверное, сам догадывается. Парень сиганул и, не успели опуститься брызги, уже выскочил обратно по пояс из воды с круглыми глазами и вздыбленными волосами.

– Замужней дамы не было? – Илья сунул палец под ребро игриво, но Петр чуть со стула не слетел. – Замужней, с ревнивым восточным мужем?

– Тут ты лет на пятнадцать опоздал. Мне, даже если девушки снятся, то обязательно вместе с моей женой, должно быть, понимают, что один на один у них шансов нет.

Помимо туристической группы был у Петра отхожий промысел – разгадывать ребусы. В командные игры на эрудицию его периодически звали, но там он тушевался и всегда оставался самым бесполезным игроком. А вот если находилась старинная записка или карта, да еще известен был характер писавшего, тут он быстро брал след. Ему давались ассоциативные связи, определение последовательности ходов, острые догадки на базе минимальных данных. Он так и не смог запомнить ни одного шахматного дебюта, но временами выигрывал у сильных игроков, если получалось не отвлекаться на локальные рейды и фронттовую перестрелку, а почувствовать игру как единое цельное движение шахматных волн.

В Петра однажды стреляли. Но случилось это пару лет назад в Италии, когда он искал похищенную местным сумасшедшим русскую девушку. С тех пор он расследовал десяток запутанных историй. Многие разгадал, это только Эркюль Пуаро утверждал, что ни разу не ошибся, но все эти логические узлы не требовали для решения перерубания. Ветхая москвичка мечтает, наконец, узнать, сам ли упал ее прадед с лестницы в своем особняке или его подтолкнул кто-то из наследников. Причем из всех фамильных предметов сохранился только графин из-под коньяка с рецептом и каракулями на обороте рецепта. Зацепка стопроцентная: раз в семье хранили этот предмет, значит, кто-то понимал, что он важен, а допрашивать старинные вещи Петр умел.

Или у знакомой сбежал сын-подросток, заподозрив, что мать собирается вторично замуж. Оставил мудреную записку-маршрут. И Петр носился по городу, спеша поскорее найти убежище, чтобы мальчишка не успел себе навредить. Все эти истории не предполагали мести и тем более натравливания на него убийц.

Ах, боже мой, он карбонарий

Последнюю историю подкинул комиссар Гвидо из венецианской полиции. Петр Дивин пересекался с ним пару раз: сначала он помог итальянцу, затем уже сам обратился за поддержкой. На этот раз они говорили по телефону.

– Синьор Петр, вы взялись бы расследовать преступление, совершенное достаточно давно? – церемонно начал комиссар телефонный разговор. – Преступника нет в живых, нет никого из современников, кого мы могли бы допросить.

– Думаю, это не помеха. Всегда остаются документы, письма, вещи... Люди не умеют молчать, особенно, если они что-то знают, – Петр улыбнулся, вспоминая, как ловко умеет комиссар отделять присказками и общими фразами. – Вот вы что-то хотите мне рассказать... Еще одна из загадочных историй с картинами?

– Как раз я ничего не знаю, – быстро отозвался Гвидо, – но начальник, квесторе, считает, что в полиции главное коллаборация, и мы должны помочь коллегам из Неаполя! Когда-то об этом деле много писали, но, вы знаете, неаполитанцы, заканчивая фразу, уже не помнят ее начало. Расследование не смогли довести до конца. О деле забыли. Сейчас многие детали прояснились, а, так как нити уходят в Россию, нам нужен помощник в Москве. Я бы никогда не осмелился на такую бесцеремонность, но начальник, квесторе, считает, что достаточно инспектору позвонить – и любой человек с радостью...

– Я действительно с радостью помогу вам и квесторе, – перебил Петр, по наигранно незаинтересованному тону он сразу понял, что связи комиссара с венецианскими музеями крепнут. Пенсия не за горами, и почему не помочь старому приятелю получить теплое место.

– Как большая вода? – Петр перешел на погоду.

– *Acqua alta*? В этом году еще ничего, а вот в прошлом поднялась почти на два метра. Все сидели дома, и нам пришлось взять еще один катер, чтобы разбирать бесчисленные семейные ссоры.

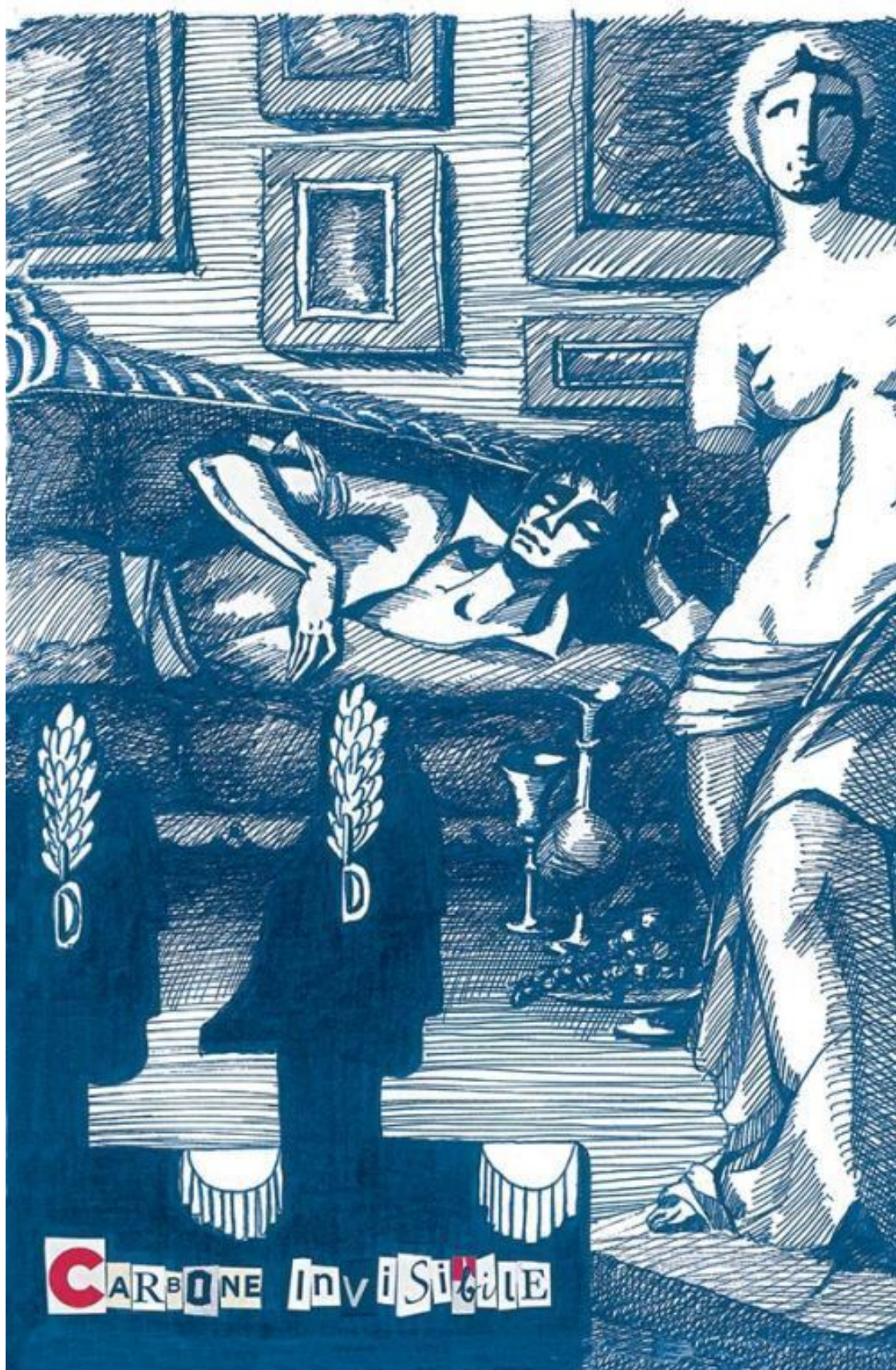
В конце разговора комиссар сказал, что перешлет синьору Петру фотографии неаполитанских газет середины девятнадцатого века и сведения о перемещении задействованных в деле антикварных предметов.

Карбонарии, члены массовой и влиятельной тайной организации, устроенной по типу масонских лож, в начале позапрошлого века боролись за независимость и единство Италии. Карбонарии в Италии – угольщики. Почему так называлось тайное общество, куда входили врачи, юристы, помещики, Петр не помнил. Его знания об этой странице истории Италии ограничивались многостраничным «Оводом»⁷, прочитанным в юности. Но скорее всего от него требуется разбираться в пышном неаполитанском барокко и похождениях Караваджо, а не в политике областей Италии... Многие «угольщики» брошены в тюрьмы, и товарищи собрали деньги, чтобы выкупить соратников. Отдавали семейные реликвии, украшения, серебряные приборы. Один из магистров карбонариев с этими сокровищами должен был ехать в Неаполь, и друзья спрашивали, как он незаметно провезет крупную сумму денег и ценных предметов. Магистр отшучивался: «*Carbone invisibile*». Сбирь⁸ – агенты тайной полиции – знают о его миссии, и даже его фразу «*Carbone invisibile*» доносили полицейским. Преследуемый карабинерами магистр прячется в одном из домов Неаполя. Всю ночь полиция прочесывает оцепленный район и обнаруживает революционера в палатке знаменитого антиквара, в зале с произведениями искусства, предназначенными на продажу. Когда сбирь ворвались в

⁷ «Овод» – роман Этель Лилиан Войнич.

⁸ Сбир (ит. sbirro) – стражник.

дом, заговорщик мирно спал на соломе, вынутой из ящиков с вазами. Сбирь не смогли найти ни денег, ни драгоценностей. Ни на молодом человеке, ни в зале.

Помимо мебели, картин, статуй, в центре зала стоял обеденный стол, и на нем остатки трапезы – несколько живописно расположенных предметов, словно для рисования натюрморта. Газетчики даже раздобыли список оставленных на столе предметов того, что лежало на столе: **daino, serro, uva, vino da tavola**. Сбиры решили, что сокровища уже у них и... тщательно обыскали все натюрморты в палаццо. Не только натюрморты, но и вазы, мебель, где были изображения daino, serro, uva, vino da tavola. Однако ничего не обнаружили. А революционер только посмеивался: «In natura mort verità».

Петр представил несчастного хозяина дома среди обломков мебели и разорванных полотен и застывшего с откинутой головой юношу непременно в белой широкой рубашке и с разбитой губой, как в фильме «Овод». Неаполитанские газеты подробно описали арест и обыск в палаццо антиквара. Магистр помещен в тюрьму острова Прочида. Через некоторое время он передает через тюремщика записку: «Originale in Russia»⁹. Записка попадает сбирам, но и она не помогает обнаружить сокровища.

На первый вопрос Петр ответил сразу. **Что вез с собой магистр?** Очевидно, ответ в его фразе: «Carbone invisibile». Банковских карт тогда еще не придумали, вексель вряд ли бы приняли тюремщики, у которых собирались выкупать заключенных. Скорее всего, магистр перевел серебро и драгоценности в самое маленькое и дорогое, что в то время имело хождение. «Carbone invisibile» означает не «Карбонарий неуловим», а «Алмазы невидимы». С горстью бриллиантов путешествовать проще, чем с мешком подсвечников и столового серебра. Среди бриллиантов самые ценные – цветные. Что, если магистр купил редчайшие черные алмазы, напоминающие уголь? Карбонарий везет карбонадо! Должно быть, сбиры узнали о сделке от ювелиров, раз так дотошно искали в рамках картин и ломали мебель.

Второй вопрос: **где искать сокровище?** Поможет ли в этом натюрморт, оставленный революционером? Должен помочь, недаром было произнесено с вызовом молодым героем: «In natura mort verità». Гордец, спокойно спящий перед арестом, бросал вызов полиции. Но и Петру! Петр открыл словарь.

Daino – лань

Serro – бревно

Uva – виноград

Vino da tavola – столовое вино.

Раз в газетах писали про остатки трапезы, то на столе находились кусок оленины, некий деревянный брусок, гроздь винограда и вино... скорее всего, в глиняном кувшине. Столовое и сейчас в кувшинах подают, а уж в начале девятнадцатого века...

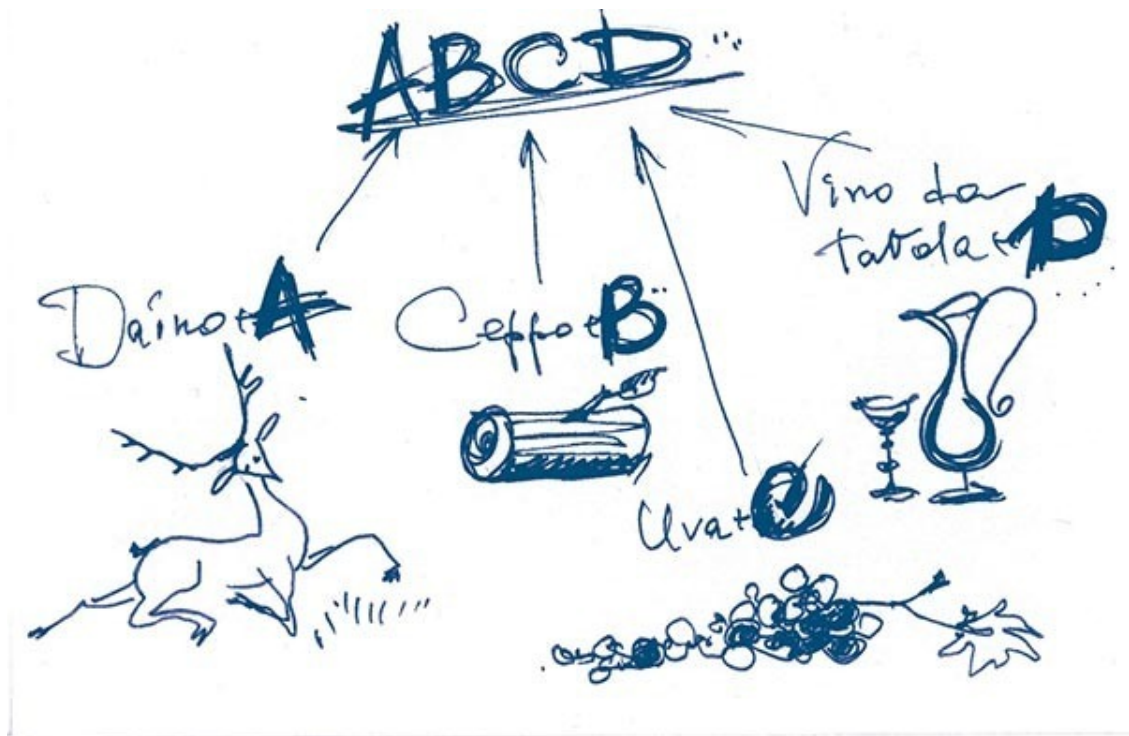
Но если бы на одном из произведений искусства в доме антиквара нашли оленину, виноград, кувшин и какую-то ветку или бревно, то эту картину или вазу разорвали бы на клочки, и спрятанное обнаружили. Судя по газетам, в доме не было предмета, где присутствовали бы все четыре подсказки. Петр нашел в интернете фотографии объектов из каталога антиквара. По отдельности лань и виноград встречались, дерево и кувшин обнаружил на одном предмете, а вместе все четыре не сошлись нигде.

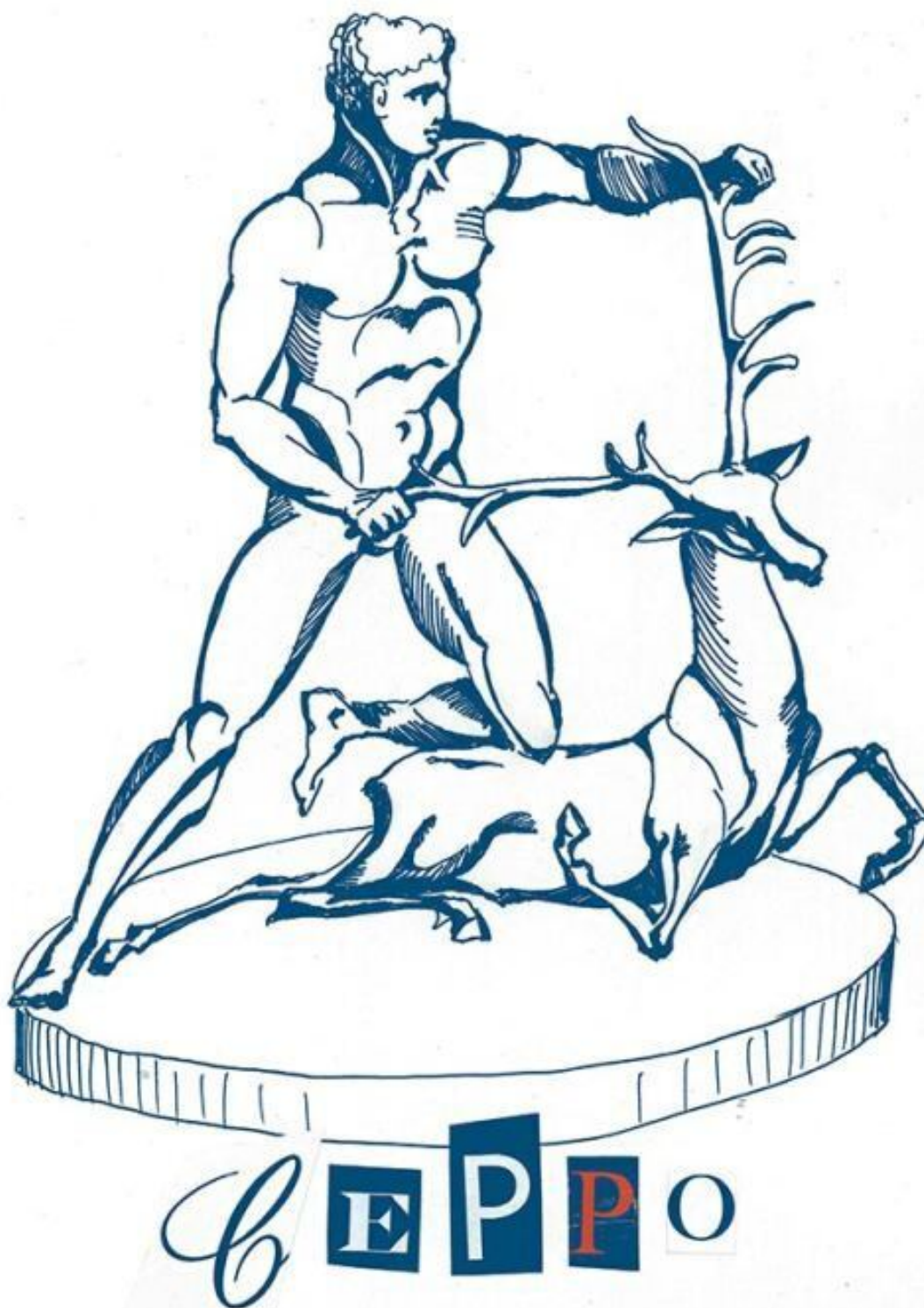
Петр решил, что в этой задаче есть промежуточные этапы. Следует найти лань, рядом с ней будет еще какой-то символ. Именно этот-то символ, а не лань, приведет к месту, где спрятаны бриллианты. Нужно найти четыре предмета в доме антиквара, где изображены daino, serro, uva, vino da tavola. Затем подобрать пятый предмет, соединяющий подсказки с этих четырех вещей, и там искать бриллианты. Например, прячущий мог просверлить отверстия в

⁹ «Originale in Russia» (пер. с англ. «Оригинал в России»).

деревянной раме и замазать их сверху воском свечи. Или насыпать камни на дно вазы и тоже залить их чем-то застывающим, какой-нибудь мастикой... Петр прервал мечты, ведь он еще не знает, какой предмет выбрали для тайника. Да и почти два века прошло, может быть, на эти сокровища давно клуб построили.

Каталог антиквара содержал одну лань – слепок античной скульптуры «Геракл и керинейская лань». Если Петр прав, то Геракл будет изображен на искомом предмете. Но надо осмотреть внимательно слепок в Музее, нет ли там мелких деталей – раковин, улиток, какого-то оружия.

Раздел копий оказался самым объемным: Италия в XIX веке снабжала европейских коллекционеров гипсовыми и бронзовыми репликами классических произведений, возможно, неаполитанский продавец иной раз выдавал их за подлинники. Живописных работ оказалось немного, и особенно Петра обрадовало, что совсем не представлены оказались голландцы. Иначе во всех жанровых сценах на столе нашлось бы *vino da tavola* в кувшине, а в трактирной

драке пара разбитых кувшинов и под столом. А на каждом натюрморте в серебряном блюде красовался бы виноград... Тут Петр задумался, действительно ли рисовали голландцы виноград? Хлеб, рыбу, устрицы, ветчину и птицу, как и обязательный кубок из раковины наутилус можно найти на всех работах. А из фруктов? Сливы, персики, вишни... да-да, лимон с обязательно снятой лентой кожурой, свисающей со стола. Виноград он припомнил на паре натюрмортов. Хотя и называли похолодание XVI века «малым ледниковым периодом», хоть и много у Брейгелей зимних сценок, но виноград в Голландии выращивают издревле.

Виноград в каталоге неаполитанского антиквара оказался снова в разделе слепков. Вах работы Микеланджело держал в руках гроздь и чашу.

Следовательно, на искомый предмет указывают или чаша, или Вах. Петру оставалось найти серро и *vino da tavola*. Чаша, бутылка или кувшин встречались на многих работах. Ну а в поисках бревна – серро Петр перебрал несколько Себастьянов, привязанных к обручку дерева, пейзажей с дубами. Да и у многих гипсовых слепков для опоры вдоль ноги помещался опиленный ствол. Петр еще раз заглянул в словарь: серро переводилось как «пень, полено, бревно, чурбан», а в переносном смысле означало «оковы, колодки». В русском языке «колодки» также происходили от слова «колода». И тут Петра осенило, он начал листать каталог и открыл описание бронзовой группы Пюже «Милон Кротонский».

К гибели Милона как раз и привел пень, ставший для атлета колодками. Петр рассматривал фотографию в интернете и вспоминал виденные им копии. Мраморная статуя Милона стоит в Лувре, но по миру разошлось терракотовые и бронзовые повторы. Тело героя изогнуто в муке, он не столько страдает от ран, сколько обескуражен тем, что нашлась сила, способная его побороть. Удивительно, что античный силач не дает последний бой, а замер, словно собирается с силами, чтобы с достоинством умереть. Петр начал фантазировать, как загнанный в ловушку карбонарий сравнивает себя с Милоном Кротонским и, глядя на бронзовую скульптуру, придумывает загадку.

Оставалось найти произведение искусства с изображением *vino da tavola*. Петр выбрал картину Рубенса «Вакханалия». Да, кувшины встречались на разных работах, а сколько их еще пряталось под старым лаком и бликами некачественной съемки, ведь Петр брал название работы из каталога, а затем рассматривал современные фотографии этих произведений из музеев. Но стоило принять во внимание, что арестовали революционера в большом зале палатцо, где должны были висеть крупные многофигурные композиции. К тому же Петру казалось, что он представляет себе этого гордого, сильного, слегка надменного юношу, под носом у сыщиков прячущего сокровища и размышляющего, как передать товарищам подсказки для этого шифра. Такой ловкач с наслаждением и горечью должен был рассматривать любимейшую работу Рубенса «Вакханалия». Рубенс не продал полотно, держал у себя. Очевидно, оно заряжало его энергией и подчеркивало живописное мастерство – в композиции, колорите, но, главное, в передаче всепобеждающей силы жизни. Сколько на холсте эмоций, естества, как лоснятся мастерски подсвеченные тела. Это выписанный самому себе диплом виртуоза. В «Вакханалии» представлены все возраста, все расы – от людей до зверей, все чувства – материнская любовь, испуг, удивление, любовная страсть, жажда... Наконец, все стадии опьянения! В Музее Петр всегда подходил к сатирессе, той, что поддерживает Силена. Она воплощение юности: на щеках разливается ярчайший румянец, взгляд быстр и невинен, под тончайшей перламутровой кожей проступает синева. А мимо копны золотых волос ни один итальянец не прошел бы без восхищения. Именно такие сияющие волосы рисовали итальянские художники – тонкие, пышно взбитые, цветом спорящие с цепями и браслетами.

К тому же, если в качестве четвертой работы взять картину Рубенса, то все четыре произведения окажутся иллюстрациями античной мифологии – «Вакханалия», «Вах», «Милон Кротонский», «Геракл и керинейская лань».

Петр четвертый раз долил кипяток в пузатенькую колбу с витыми фисташковыми стручками. «Чайный детектив» бродил по виртуальным музейным залам под аккомпанемент нежнейшего улуна. Вкус чая угасал с каждой заливкой, но тонкая травянистая нота уверенно вязала бронзу Пюже с веселыми выпивохами Рубенса.

Последней фразой пойманного революционера стала: «Originale in Russia». Петр решил, что юноша, когда прятал бриллианты, прочел на ящике страну отправления – Russia. Судя по присланным комиссаром Гвидо документам, в то время антиквар продал президенту Академии наук графу Уварову коллекцию антиков. Петр обрадовался, значит верно угадал Рубенса – загадка крутится вокруг греческих героев. Осталось сходить в Музей, изучить «Вакханалию», «Вакха», «Милона Кротонского», «Геракла с ланью» и сложить пазл – найти в уваровской коллекции предмет с нужными деталями.

Всю неделю перед туристическим слетом Петр бродил по сайтам художественных музеев и перепроверял по словарю перевод мутных ксерокопий. Ответ он нашел ночью в пятницу и после слета собирался идти в Музей, проверить вживую все подсказки и поискать по ним последний предмет. Уголь карбонариев стучал в его сердце!

Заводская вольница

– Посмотрим, что у меня осталось, – Илья грузно опустился на корточки и выудил из-под кровати трехлитровую стеклянную банку, закатанную железной крышкой.

– Вино?

– У нас же в Молдавии все вино. Знаешь, как молдаване картошку собирают? Копают под грядкой ров в рост и... – Илья поднял руки и показал, как над головой снимают клубни.

В баллоне оказался вишневый компот.

– Вишню ногами давят?

– Конечно, и с салом для нажористости!

Между двумя пыльными тополями у заводского забора стоял глубокий и длинный мангал, сваренный из добротной четверки. В материале недостатка не было – сварщик даже приварил горизонтально две трубы для переноски, сейчас на ручках висели шампуры и рукавицы. Илья шел с кувалдой – он ловко разбил поддон, а Петр навалил горой доски в мангал. Пока дрова прогорали, Илья показывал последнюю работу. В ангаре тянулась к закопченным сводам витая лестница на восьмигранном полом столбе с железными цветами внутри.

– Хозяин во Франции купил столб от забора и дал как образец. Ну, мы чуть подрисовали... Грани на столбе сварили из прутьев с отступом для объема. Раз Франция, я лилии пустил под ступенями.

– Этот столб у антикваров, наверное, как вся ваша лестница стоил?

– Да, дороже. Это же XVIII век! А у нас металла на сто тысяч и работа два лимона.

На ноже стояло клеймо – буква «и» в подкове. Сведение лезвия плавное, закругленное, но в мясо входит без усилий.

Петр поделил кусок свиной шеи и лопатку на бруски в полкулака, в четыре руки мясо нанизали и положили на пышущий мангал. Сушить не стали – пять минут повертели, затем Илья собрал шампуры в кучу, прижал их ладонью к бортику и располосовал мясо наискосок. Присолил. Перевернул шампуры, сделал надрезы и бросил соль с другой стороны. Через пару минут свалили мясо в большую кастрюлю, куда Петр, пока Илья следил за мясом, нарезал три луковицы и намял горсть горошин перца. Илья закрыл кастрюлю крышкой и энергично потряс.

Ели в цеху. На козлы положили щит, обернутый клеенкой. Бригадир принес «настоящие бакинские» помидоры, размером с голову младенца, киноварные в середине и с коричневым «венозным» соком по краям. Сварщик, которого здесь звали «сварной», сходил за свежими лепешками, тандырными, – с пригоревшим исподом и до хруста высушенной тонкой с вытесненной звездой серединой, обильно посыпанной кунжутными семенами. Сухощавый пожилой слесарь выставил миску черемши, чеснока и молоденьких перчиков в соленом рассоле. Длинный монтажник с печальным, изрытым оспинами лицом выложил на бумагу влажный блин соленого сыра. Второй монтажник, совсем юный круглый непоседа, принес сушеную хурму, словно инеем покрытую сахарным выпотом. Ну и у каждого нашлась бутылка водки. Правда, если закуски раскрывали национальность рабочего, то бутылки все были среднерусские. Илья знал, что Петр водку не уважает, – заранее перелил из баллона в пластиковую бутылку пол-литра коньяка.

– Два брата-молдаванина по осени заготовили бочку вина. Но их же двое, врезали в бочку два краника, – Илья налил себе и куму коньяку, остальные предпочли родимую. – Зимой один брат спрашивает: «Как твое вино?» «Уже выпил, что его хранить». «А я свое на Пасху берегу».

Илья охотно и подробно рассказывал истории, но сложные тосты не любил, это Петр знал по домашним застольям. Мог предложить выпить за родителей или за хозяев. Зато худой слесарь, с седой равномерной щеткой по всей голове, кроме носа, витиевато говорил, что в горах время, проведенное за столом с гостями, вычитают из срока жизни, поэтому общаясь с друзьями, мы становимся моложе, следовательно, тот, кто готовит угощение, не только кормит гостей, но и делает их моложе, а молодость дает нам силы работать и отдыхать.

Ели жадно, подливали часто. Сварщик осоловело раз за разом макал кусок лепешки в рассол и забывал поднести ко рту. Сидевшие плечо к плечу монтажники налились непонятной Петру злобой и радостно хмыкали, если сосед ронял кусок или проливал водку.

Илья не курил, спрашивать его о сигаретах бесполезно, и Петр решил посоветоваться с сотрапезниками. Он положил на стол целлофановый пакетик с окурком. Его он выковырял из березы недалеко от места нападения на Васю Егорова. На белом фильтре выделялся выпуклый зеленый овальный значок.

– Ментоловая дрянь, курить не советую, потом не отплюешься, – бригадир взял пакетик узловатыми пальцами.

– Там жвачка внутри, в фильтре, типа куришь, а потом зажевываешь, – подхватил весь вечер молчавший сварщик.

– Ты как будто пробовал, – хмыкнул бригадир, – что-то дороже «Примы».

– А пачка какая? – спросил Петр.

– Ну, такая черно-зеленая, рифленая. Знаешь, как кожа на ощупь!

Седой слесарь поднялся, пожевал губами и спутанно завел о том, благодаря кому... все благодарны... уважение и преданность... Петр не успел понять, к какому тосту подводит певец гор – за родителей или все же за директора завода. Толстый монтажник поднял круглые от бешенства глаза и визгливо бросил какое-то короткое слово выступающему. Тот помолчал, покачнулся и распевно ответил, затем собрал пальцы щепотью и словно бросил соль в лицо оскорбителю. Через мгновение слесарь и монтажник, наклонив головы, лаялись, перекрикивая друг друга. Русскими в сплошном потоке брани были только матерные слова и почему-то «мозги».

Длинный монтажник поднялся помочь товарищу, но только он сделал шаг, как Илья вытянул руку и коротко толкнул наступавшего в грудь. Монтажник, словно моряк, попавший под рею, кхекнул и улетел в угол вместе с зацепившейся за ноги лавкой.

– Знаешь, почему мы произносим за хозяина дома последний тост? Именно последний? – крикнул снова по-русски обхваченный бригадиром молодой монтажник. – не боимся забыть!

Кузнец тяпнул последнюю и увел петушком подпрыгивающего на носках слесаря. Бригадир, тяжело напирая, вытолкал из цеха круглого монтажника. «Сварной» очнулся, цепко оглядел стол и удивительно точными для крепко выпившего человека движениями начал собирать продукты. За раненого Петр волновался напрасно. Он не стал чудить напоследок: трогать окна-двери, ронять балконы. Грустно поднялся, поставил на место лавку и деловито куда-то направился. Петр покинул место пиршества и битвы.

И снилось Петру Дивину, как он с кумом бродит по бескрайнему базару. Куда-то они пытаются попасть, но повороты приводят или в тупики с липкими стоками по границе брусчатки и охристых струпьев штукатурки, или в новые торговые галереи. Петр оказывается один и ложится на нары в некоей комнате, перегороженной веревками с ветхим бельем. По груди его ползет паук, покалывая острыми металлическими колпачками. Смахивает его рукой, но не может сдвинуть цокающее чудовище.

Петр открыл глаза и обнаружил на краю кровати женскую фигуру. Фигура гладила его по груди, свободной же рукой подцепляла пуговицы на блузке. Кровать обреченно скрипнула, жаркая мякоть придавила к матрасу. Глаза их встретились...

Женщина отпрянула в изумлении и по-кошачьи замахала руками перед собой. Карусель разноцветных ногтей закружилась в сонных глазах Дивина.

– А где Илья? – низким испуганным голосом произнесла женщина.

– Илья на рынке, – ответил не до конца опомнившийся Петр.

Незнакомка вскрикнула, закрыла грудь руками и унеслась в темноту.

Туфли к фракку

Петр проснулся рано, арендаторы еще не шумели на лестницах, и цех под окном молчал. Заварил пару ложек азербайджанского... потом сыпанул еще – Илья обязательно перед работой заглянет.

– Ты за семью не беспокойся, – Илья зашел в новом зеленом брезентовом фартуке, с неразмятыми острыми складками. – Это не милиция, не что-то покруче... Просто уркаганы-шестерки. Им сказали наказать или попугать, они сделали. Ты их больше не увидишь.

Жену с ребенком Петр предупредил накануне из машины, и они сразу уехали к друзьям на дачу. За них он не переживал. Переживал, что совсем не понимает, за что его хотели наказать. Пришлось признаваться, что живет скучной жизнью – походы со школьниками, статейки в журналы, головоломки... Сколько ни копался – ни врагов, ни оттоптаных мозолей. Поэтому сегодня отправится давать показания о вчерашнем происшествии, а дальше продолжит обычную размеренную жизнь.

– у нас на заводе помещение юристы снимают. Есть хороший парень, Ашот, к нему все наши обращаются. И по гражданству, и по машинам он разруливает. Он мне паспорт делал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.